ПРЕДИСЛОВИЕ

«Петр Великий: pro et contra» — книга, с одной стороны, типичная для проекта «Русский Путь», а с другой — издание не вполне обычное для серии: оно совмещает в себе черты антологии, справочника и аналитического исследования. Сочетание разных жанров в одной книге обусловлено простым обстоятельством — масштабом личности этого человека, которого можно смело назвать не просто одним из персонажей русского пути и даже не одним из его строителей и конструкторов, но фигурой, в буквальном смысле демиургического порядка. Не только на Петербурге и петербургской — имперской — эпохе русской истории лежит печать его мысли и воли. но и неоимперская (советская), и наша постимперская культура в значительной степени вдохновлена его творческим импульсом. Поэтому, естественно, последствия его деятельности не вмещаются в сознание ни современников, ни позднейших исследователей, хотя, безусловно, и не носят мистического сверхчеловеческого характера, будучи имманентными потоку культурно-исторической жизни. Личность Петра Великого многомерна, значит, стереоскопический ее портрет возможен не только при обрисовке различных тенденций видения культурно-исторической миссии первого русского императора, но и при сочетании разных литературных жанров. Поэтому в книге, посвященной Петру Великому и оценке его реформ, рядом с русскими историками — Михаилом Погодиным, Сергеем Соловьевым, Василием Ключевским, Николаем Костомаровым, Павлом Милюковым, Николаем Павловым-Сильванским, Александром Кизеветтером, Сергеем Платоновым, Михаилом Покровским соседствуют философы — Петр Чаадаев, Алексей Хомяков, Владимир Соловьев, Николай Бердяев, Семен Франк, Сергей Булгаков, Густав

Шпетт, Иван Ильин, Георгий Федотов, Мераб Мамардашвили. Во всех имеющихся в русской литературе оценках Петра важна не только историческая эрудиция и точность фактов, но и историческая интуиция, некая сверхисторическая мудрость, умение сформулировать парадокс, короче говоря — провидеть то, что из исторических документов прямо не следует. Поэтому в книге широко использованы в том или ином виде тексты политиков, поэтов, писателей — Екатерины Дашковой, Михаила Щербатова, Александра Пушкина, Николая Гоголя, Федора Достоевского, Льва Толстого, Дмитрия Мережковского, Андрея Белого, Бориса Пильняка, Ивана Солоневича. Их способ познания России — особого свойства, но для понимания сокровенной сути России, ее «сотворения» они сделали немало. Вспоминаются в этой связи слова Льва Толстого об увлекшем его времени Петра Великого: «Что за эпоха для художника! На что ни взглянешь, все задача, загадка, — разгадка которой только и возможна поэзией».

Петр Великий — вечная загадка и вечный магнит для отечественной мысли. Разброс мнений по поводу личности Петра — огромен, феноменален: полярные оценки деяний Петра встречаешь в истории русской мысли на каждом шагу: «спас Россию — предал Россию», «Христос — Антихрист», «Бог ведет — бес ломает», «великий — бездарный», «мудрый государь — самовластный помещик», «храбрец — трус»...

Но, слава Богу, постепенно мы отходим от застарелой привычки резко разделять мир только на «черное» и «белое», приучаемся видеть оттенки, а значит, терпимо относиться к реальному многообразию мира и собственной истории. Так может, Великий Петр и есть наш водитель на этом пути, воплощение искомого синтеза, «единства противоположностей»? Ведь сказано Пушкиным —

...Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен.

Пушкинская формула Петра — сама по себе величайшая творческая загадка. Семь слов, вместивших все — и Петра, и его дело, и — навеки — эстетическое изумление потомков. Ибо эстетически прекрасное — не то же самое, что повседневно-утилитарное «красивое». Оно есть гармония частей, не обязательно «красивых» самих по себе... Но до эстетики ли нам, когда «ужасный лик» вторгается в нашу жизнь, пытаясь и ей передать свои «движенья быстры»? Не восстает ли в нас протестующий нормальный обыватель, т. е. частный человек, тот самый, который за реформы, но не с «ужасным ликом», а по возможности с «человеческим лицом»?

В этом свете Петр, может быть, отнюдь не чаемый творческий синтез, а эклектическое и потому безобразное выражение объективных противоречий (и безобразий) реальной русской истории.

Характер деяний Петра Великого — тема чрезвычайной значимости сегодня. Может показаться, что Петр, умерший почти три века назад, значительно более современен, чем иные наши современники! И уж во всяком случае бесспорно, что он символизирует какую-то настоятельную общественную потребность, возможно — волю к переменам: кардинальным, быстрым и успешным. Петр как символ реформы — фигура, на первый взгляд, безупречная. В самом деле, кто в нашей истории может сравниться с ним по глубине, всесторонности и скорости изменений, превративших за четверть века захолустную Московию в великую державу — Российскую Империю? Однако, глядя на карту России сегодняшней, мы парадоксальным образом опознаем в ней очертания Руси допетровской, государства Московского, только что миновавшего «Смуту» начала XVII века. Что означает этот возврат не во времени, а в пространстве? Может быть, глубинная логика российского естества одолела-таки, наконец, логику имперских форм Великого Реформатора?

Но как бы там ни было, по-прежнему актуально звучат вопросы: какова должна быть степень насилия в модернизаторских реформах? Не лучше ли положиться на эволюционное, органическое саморазвитие? Не приводит ли реформаторское насилие к псевдореформе, чисто внешнему усвоению заимствований? Не блокируется ли при этом возможность подлинной, «прорастающей изнутри» модернизации и европеизации? Не провоцирует ли в дальнейшем такая псевдореформа — контрреформы? Но с другой стороны: в какой степени можно довериться эволюционному саморазвитию? Можно ли вообще доверять инстинкту цивилизованного самообустройства русского человека, или его можно осчастливить лишь насильно?.. Перекличка эпох несомненна. И уже не поймешь, где Преображенский приказ, а где Лубянка; где Петропавловка, а где Лефортово...

Данная книга о Петре создана для того, чтобы помочь сориентироваться в сложном проблемном поле, контуры которого намечены выше. Поэтому принципы построения книги достаточно просты. Первые разделы включают в себя небольшие по размерам, но емкие по содержанию работы русских мыслителей, проявляющие не просто точки зрения, но тенденции в осмыслении места Петра Великого в нашей истории. В последнем разделе собрана мозаика мнений о первом русском императоре. Необ-

ходимость этой части книги вызвана тем обстоятельством, что, с одной стороны, вряд ли можно найти в России человека, не имеющего своего мнения о Петре Первом, а с другой — тем, что концептуальных работ, задающих особенный горизонт понимания проблемы, немного. Для того, чтобы воссоздать целостную панораму восприятия этого великого человека и его дела русской культурой, существенные из найденных высказываний сгруппированы в данном разделе книги в тринадцать смысловых блоков. В них, в свою очередь, выделяются более конкретные темы (их получилось около ста двадцати). За каждой цитатой в скобках следуют имя автора и дата первой экспликации данной мысли данным автором. В пределе составители этого раздела стремились к установлению даты первого изложения идеи (а это могло быть сделано и в частном письме, и в беседе, и в лекции), а не даты ее публикации. Разумеется, этот идеал не всегда оказывался достижимым. Еще более деликатен и требует особой точности от исследователя вопрос определения интеллектуального приоритета. Русская мысль, особенно на такую тему, как «Петр Великий», чрезвычайно летуча, кумулятивна, мгновенно подхватывается, обрастая вариациями. Особые проблемы возникли с двумя историческими «сгущениями» русских дискуссий о Петре: здесь точное выяснение интеллектуального приоритета особенно затруднительно. Первое интенсивное «сгущение» — середина XIX века, эпоха салонных споров, которые, так или иначе вращаясь вокруг оценки Петра Великого, по сути конституировали базовую оппозицию «западничество-славянофильство» в истории русской мысли. Активными участниками этих споров были Киреевские, Аксаковы, Самарин, Погодин, Грановский, Белинский, Герцен, Кавелин, С. Соловьев и др.

Второе «сгущение» — рубеж XIX—XX веков, новый раунд теперь уже по преимуществу академических дискуссий о Петре. Тогда одновременно писали (а также читали свои лекционные курсы) Ключевский, Милюков, Кизеветтер, Павлов-Сильванский. Их взаимная «ревность» к Петру и его эпохе (отсюда их очень непростые взаимоотношения) нам понятна, но это, разумеется, лишь осложнило работу над настоящим изданием, особенно в его справочной части. В случае, если точная фиксация аутентичной даты не представлялась возможной (либо риск ошибиться, например, в установлении интеллектуального приоритета был слишком велик), составители предпочитали более мягкий вариант датировки (например: «1890-е годы»), сохраняя «свободу маневра» и себе, и другим исследователям на будущее.

В данном предисловии нельзя не сказать о людях, которых можно считать предшественниками настоящего издания, — не о биографах Петра (их очень много), а о тех исследователях, кто собрал более или менее профессиональные «коллекции» мыслей «русских о Петре». Таких «коллекционеров», в сущности, трое — Е. Шмурло (Шмурло, 1912), Б. Сыромятников (Сыромятников, 1943), Н. Рязановский (Рязановский, 1984). У каждого из них свои приоритеты, свои принципы отбора и группировки материала. Представленная вниманию читателя «коллекция» и полнее, и строже рубрицирована. При этом мы вполне осознаем ограниченность и этого сборника трактатов, эссе и цитат о Петре Великом, понимая, что, наверное, невозможно создать идеальную хрестоматию размышлений о Петре Первом до тех пор, пока мы находимся в потоке российской истории, пока Россия продолжает жить, развиваться и мыслить о себе в этом процессе. В свете последней идеи целесообразно вспомнить замечание, сделанное в свое время В. Г. Белинским, — простой смертный вообще не в силах дать оценку Петру Великому; ибо Петр — фигура в истории России провиденциальная, «посланная свыше». Белинский иронизировал над теми «маленькими-великими людьми», кто позволял себе критику Великого: «Жалкие слепцы! Петр делал именно то, для чего послал его, что поручил ему Бог, — ему, своему посланнику и помазаннику свыше, он угадал волю духа времени, — и не свою, а волю пославшего его выполнил он, — потому-то он и великий человек». Нечто подобное писал и другой апологет Петра — Н. Полевой: «Он родился предназначенный, он совершал предопределение Божие, он не мог жить иначе, и бытие его составлял подвиг его... Указывать на ошибки его нельзя, ибо мы не знаем: не кажется ли нам ошибкою то, что необходимо в будущем, для нас еще не наставшем, но что он уже провидел».

Если все это так, то Высший замысел о России и о Петре Великом как «фокусе российской судьбы» отгадать не дано никому. Хотя, может быть, мы, как «творение Петра», обратным усилием собственной критической рефлексии и исторического самоопределения в состоянии преодолеть чары своего «творца»? И нам дана возможность на пути свободного самоосуществления перейти от рабствования очередному мифу к тому, что можно обозначить (несколько вольно переиначивая формулу Пушкина) как наше собственное «Петра творенье»? Возможно, тогда за хрестоматийными личинами «гения-чудотворца» и «злодея-тирана» мы усмотрим множество ликов, которые превращают черно-белую графику морализаторства в объемный живописный портрет первого рос-

сийского императора, созданный послепетровской историей. Помочь этому процессу самоузнавания нас в Петре Великом и в истории, спровоцированной первотолчком этой личности, и призвана книга «Петр Великий: pro et contra».

Дмитрий Бурлака,
Алексей Кара-Мурза,
Леонид Поляков